

DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/EO.2017.004>

Ирина Борисовна Белова
(Калужский государственный
университета им. К.Э. Циолковского
г. Калуга, Россия)

**Беженцы Первой мировой
войны: реэвакуация
из Советской России
(по материалам
Центральных губерний
Европейской России)**

Słowa kluczowe: „bieżeńcy” I wojny światowej; Imperium Rosyjskie; Rosja Sowiecka; towarzystwa pomocy „bieżencom”; zatrudnienie „bieżeńców”; planowa ewakuacja; spontaniczny powrót uchodźców; głód, bezrobocie; Centralny Departament Ewakuacji Ludności

Key words: World War I Refugees; Russian Empire; Soviet Russia; organizations of the help to refugees; employment of refugees; charitable actions, planned re-evacuation; spontaneous movement of refugees; starvation; unemployment; the Central People Evacuation Board

Решением I Всероссийского съезда беженцев Первой мировой войны, состоявшемся в сентябре 1917 г. в Москве, был создан Всероссийский союз беженцев. Но практически сразу после прихода к власти большевиков по их инициативе в ноябре 1917 г. был проведен II Всероссийский съезд беженцев, избравший новое центральное правление союза беженцев. Оно направило губернским совдепам резолюции II Съезда, а также свои конкретные предложения по «пра-

вильной» организации дела помощи беженцам на местах. Принятые Съездом резолюции касались финансирования нужд беженцев государством, предоставление им права пользования землёй по месту временного проживания, реэвакуации, осуществляемой также за счёт советского государства¹.

Правлением союза беженцев предлагалось назначить Комиссара по делам беженцев, который обеспечил бы так называемую «реорганизацию» беженских учреждений на демократических началах путём создания организаций, образованных самими беженцами, или Советов беженцев. В городах и сёлах рекомендовалось проведение выборов в эти Советы на общих собраниях беженцев.

С января по апрель 1918 г. были созданы Советы беженцев от губернского до волостного уровней. В состав каждого совета был включён представитель советской власти. Советы принимали дела от ликвидировавшихся в тот период прежних досоветских беженских организаций и одновременно обращались в исполкомы советов депутатов с просьбой о передаче им арестованного имущества и денежных средств этих ликвидировавшихся организаций (местных отделений Земско-городского² и Татьянинского комитетов³, национальных обществ помощи жертвам войны). Уже на апрельских на заседаниях Советов беженцев оглашалось постановление Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) от 21 марта 1918 г., в котором, в частности, говорилось о прекращении с 1 января 1918 г. выдачи казённого беженского пайка. Согласно постановлению, денежные средства предполагалось отпускать лишь на содержание беженских приютов, убежищ и школ. В мае 1918 г. председатели местных Советов беженцев были извещены о прекращении их снабжения мукой по нарядам губернских продовольственных органов (продорганов). Предполага-

¹ И. Белова, *Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг.*, Москва 2014, с. 281–282.

² Земско-городские комитеты помощи беженцам – местные отделения Всероссийского Земского и Городского Союзов.

³ Комитет по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий под председательством Её Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет) был учрежден 14 сентября 1914 г. и до 30 августа 1915 г. являлся центральной организацией в Российской империи по защите населения пострадавших от войны территорий. Комитет осуществлял деятельность в основном на государственные средства через свои губернские, городские и уездные отделения, при непосредственном участии местных властей.

лось снабжение беженцев местными продорганами наравне с коренным населением⁴.

В сложившейся ситуации в волостные Советы беженцев стали поступать прошения беженцев о выдаче им удостоверений и экстренных отзывать для бесплатного проезда по железной дороге в так называемые хлебобродные губернии. Такая отправка практиковалась в 1917 г. прежними организациями помощи беженцам при земских и городских самоуправлениях. Свои прошения беженцы обосновывали отсутствием продовольствия и заработков, например: «Находимся на краю голодной смерти [...] страдаем от сильного голода [...] положение с продовольствием катастрофическое [...] совершенное отсутствие работ и продовольствия [...]»⁵. Советы беженцев осуществляли отправку в районы Сибири и другие губернии юго-восточного направления (Саратовскую, Воронежскую, Тамбовскую губернии, Донскую Область). Кроме этого, из остатка средств ликвидированных прежних беженских организаций Советы беженцев производили выплаты денежных пособий нуждающимся, финансирование беженских школ и приютов до июля 1918 г., то есть до своего упразднения.

После подписания Брестского мирного договора беженцы со всех концов страны самостоятельно, на свой страх и риск двинулись в западном направлении – на родину как гужевым способом, так и железнодорожным транспортом. Надо отметить, что основная масса – 2/3 беженцев – была размещена в период Первой мировой войны в сельской местности, у состоятельных хозяев. Но благодаря экономической политике большевиков сельские производители уже не могли, как раньше, обеспечивать работой и, следовательно, кормить массу беженцев. Местные сельские хозяева, по меткому выражению беженцев, становились чуть ли не беднее их самих в результате постоянного грабежа со стороны новой власти, что в итоге обрекало на голод всё население⁶. В городе работать также стало негде вследствие массового закрытия заводов и фабрик.

⁴ I. Bielowa, „Przed rewolucją dobrze się żyło miejscowym gospodarzom i uchodźcom...”. *Uchodźcy z guberni zachodnich w centralnej Rosji w latach 1915–1925*, w: *Wojna i ludzie. Społeczne aspekty I wojny światowej w Europie wschodniej*, red. D. Michaluk, Ciechanowiec 2015, s. 304–305.

⁵ Cyt. za: *ibidem*, s. 305.

⁶ *Ibidem*.

После выхода из войны большевистской власти предстояло приступить к решению проблемы, связанной с возвращением пленных и беженцев. В конце апреля 1918 г. в составе комиссариата по военным делам была создана специальная эвакуационная организация – Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж)⁷, а в июне-июле – её местные органы. Беженцы подлежали ведению этой организации с момента посадки в вагоны для реэвакуации. Тогда на время пути им полагалось питание⁸. В начале июня 1918 г. Центропленбеж обнародовал заявление о разработке в «спешном порядке» плана реэвакуации беженцев по территориальному принципу. При этом территория страны делилась на 6 зон в направлении с запада на восток. Было решено отправлять беженцев из этих зон поочерёдно, начиная с пограничной (первой) зоны⁹. Через месяц, в начале июля 1918 г., было объявлено о новой регистрации беженцев уездными органами Центропленбежа с использованием новой документации, разработанной Центропленбежем.

Беженцам из местностей, отторгнутых от России в силу Брестского мирного договора, желавшим выехать на родину, было необходимо в месячный срок возбудить ходатайство перед НКВД о выходе из российского гражданства¹⁰. Временные правила порядка выхода урожен-

⁷ Декрет об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 23 апреля 1918 г. в: *Декреты Советской власти* (далее: ДСВ), т. 2, Москва 1959, s. 165–167. Согласно декрету, в ведение Центропленбежа, кроме военнопленных и беженцев, перешли гражданские пленные и заложники. Коллегия назначалась СНК и имела право доклада непосредственно СНК. Решения Центральной коллегии были обязательны для всех ведомств РСФСР. В составе коллегии были утверждены: И.С. Уншлихт, Н.С. Тихменев, Р.М. Радек, И.И. Ульянов и М.М. Луцкий. Центральная коллегия имела в своём составе следующие отделы: 1) административный (заведование военнопленными и гражданскими пленными в России); 2) отдел по размену пленных и беженцами (части: санитарно-эвакуационная, регистрационно-статистическая, железнодорожно-транспортная; 3) правовой отдел; 4) отдел снабжения и продовольствия; 5) отдел помощи русским военнопленным за границей; 6) отдел о беженцах; 7) финансовый отдел и 8) управление делами Коллегии, „Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах” (далее: „Известия”), nr 1, 02.06.1918.

⁸ Декрет в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 21 июня 1918 г., в: ДСВ, т. 2, s. 462–463.

⁹ „Известия”, nr 1, 02.06.1918, s. 7.

¹⁰ Декрет о выходе некоторых категорий лиц из российского гражданства. 15 июля 1918 г., в: ДСВ, т. 3, Москва 1964, s. 18–19. Ze względu na wielką ilość wniosków podany termin przedłużano trzy razy, w rezultacie wnioski przyjmowano do 16 listopada 1918 r.; zob.

цев Украины из российского гражданства были разработаны НКВД лишь в сентябре 1918 г.¹¹ Характерно, что уже в начале марта 1919 г. НКВД приостановил рассмотрение ходатайств о выходе из российского гражданства уроженцев всех местностей, кроме Польши и Финляндии, и аннулировал выданные удостоверения о приёме прошений; 31 июля 1919 г. НКВД прекратил приём прошений о выходе из российского гражданства, при этом все дела по ходатайствам с 18 ноября 1918 г. аннулировались.

Практически одновременно беженцев в соответствии с декретом Совета народных комиссаров (СНК) от 27 июля 1918 г. уравнили в правах с остальными гражданами Российской Республики¹². В результате беженцы призывного возраста, пожелавшие выйти из российского гражданства, подлежали мобилизации в Красную армию¹³. Уклонявшимся от этой повинности занимались ревтрибуналы, губернские комиссии по борьбе с дезертирством, а с марта 1921 г. – суды¹⁴. Надо отметить, что летом 1918 г., до начала регистрации, значительное количество беженцев самостоятельно выезжало из мест своего временного размещения. Так, из 6 центральных губерний Европейской России выехала половина беженцев, находившихся там на начало 1918 г., а в отдельных губерниях, например, в Рязанской – до 80%¹⁵.

Созданные летом 1918 г. уездные коллегии по делам пленных и беженцев (уездпленбежи) ещё какое-то время продолжали оказывать беженцам материальную помощь из остатка средств ликвидированных

пр.: Ю.Г. Фельштинский, *К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной политики*, Москва 1991, s. 70, 123.

¹¹ „Известия Калужского Губернского исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов”, nr 246, 28.11.1918.

¹² *Декрет об уравниении беженцев, остающихся в российском гражданстве, с остальными гражданами Республики. 27 июля 1918 г.*, w: ДСВ, т. 3, s. 103–104.

¹³ Zob. И. Белова, op. cit., s. 296.

¹⁴ *Постановление Совета Оборона о борьбе с дезертирством. 25 декабря 1918 г.*, w: ДСВ, т. 4, Москва 1968, s. 254–256; *Постановление Совета Оборона о предоставлении губернским комиссиям по борьбе с дезертирством прав революционных трибуналов в отношении вынесения приговоров по делам дезертиров. 13 декабря 1919 г.*, *Постановление Совета Оборона о предоставлении уездным комиссиям по борьбе с дезертирством права наложения наказаний на укрывателей дезертиров*, w: ДСВ, т. 7, Москва 1974, s. 22–23; *Постановление ВЦИК и СНК о направлении в народные суды всех дел о военном дезертирстве, пособничестве, попустительстве и укрывательстве*, w: ДСВ, т. 13, Москва 1989, s. 10–12.

¹⁵ Zob. И. Белова, op. cit., s. 297.

Советов беженцев. С первых дней беженцы стали адресовать им заявления об отправке на родину или в производящие юго-восточные губернии России. Санкционированные Центропленбежем отправки беженцев проводились в августе, сентябре и октябре 1918 г. в незначительном количестве и только по ходатайствам местных эвакуационных органов, как бы в порядке исключения из-за особо тяжелого продовольственного или квартирного положения. Эти отправки не решали проблемы реэвакуации беженцев, находившихся в тяжелых материальных условиях на территории Советской России. Например, из Калужской губернии отправили на родину в августе–сентябре 1918 г. в общей сложности около 5 тыс. из 35 с лишним тысяч человек¹⁶. При этом эмиссары Беларускаго национального комиссариата летом 1918 г. помогли отправиться на родину отдельным небольшим группам белорусских беженцев из Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Калужской губерний¹⁷. В октябре 1918 г. из губерний Центрального реэмиграционного района¹⁸ при активном участии польского представительства Центропленбежем было отправлено 3 тысячи польских беженцев: орловским и калужским эшелонами чуть более 2 тысяч, рязанским эшелонами – более 1 тысячи вместе с литовцами и белорусами¹⁹. В ноябре 1918 г. бесплатные отправки беженцев были остановлены.

В 1919 г. Центропленбеж прямо объявил своим местным органам, что «дело о реэвакуации беженцев в данное время находится в очень плачевном положении, и на скорую отправку на родину нет почти никакой надежды». Исходя из этого предлагалось составить сметы расходов на удовлетворение нужд беженцев и представить их в Центропленбеж²⁰. Сметы представлялись, но на этом всё и кончалось. Декретом от 28 января 1919 г. на Центропленбеж возлагалось «само-

¹⁶ I. Bielowa, *op. cit.*, s. 307–308.

¹⁷ Национальный архив Республики Беларусь, ф. 4, оп. 1, д. 55, л. 40, 49, 87, 89, 93, 112, 115–118, 125–126, 129, 156, 167–171, 174, 176, 252.

¹⁸ Центральное реэмиграционное управление было создано в августе 1918 г. Представительством Регентского Совета Королевства Польского в России для содействия беженцам – польским гражданам в деле реэмиграции. Было организовано 5 реэмиграционных районов: Северный с центром в Петрограде, Центральный (Москва), Юго-Восточный (Самара, временно Саратов), Восточный (Екатеринбург, временно Челябинск), Сибирский (Томск). Государственный архив Российской Федерации (*dalej*: ГАРФ), ф. Р-3333, оп. 2, д. 42, л. 5–7.

¹⁹ *Zob.* И. Белова, *op. cit.*, s. 296.

²⁰ *Ibidem*, s. 299.

стоятельное проведение в жизнь мер, служащих целям оказания беженцам, ещё не тронувшимся в путь, всех видов материальной и духовной помощи» и предоставлялось право «испрашивать» на это кредиты в государственном казначействе. Однако, декларативный характер данного декрета скоро стал очевидным, так как испрашиваемые кредиты на организацию оказания материальной помощи беженцам не отпускались. В то же время выделялись значительные средства из секретного фонда, находившегося в распоряжении В.И. Ленина, на коммунистическую пропаганду и координацию международных революционных сил²¹.

Между тем местные жители отказывали беженцам в жилье. Несмотря на приравнивание беженцев к гражданам Российской Республики декретом 27 июля 1918 г., районные продовольственные комитеты не выдавали им продовольствие, иногда ссылаясь на его отсутствие, а иногда просто заявляя, что выдают его только коренному населению²².

Долго ожидавшие плановой отправки беженцы попадали в поле зрения всяких дельцов и аферистов, которые, пользуясь ситуацией, предлагали «ускорить» их отъезд за определенные денежные суммы. Самовольному отъезду беженцев центр всячески противодействовал: их снимали с поездов и рекомендовали местным властям размещать на своей территории. Однако это шло вразрез с местными интересами и возможностями, поэтому вместо размещения на своей территории беженцев отпускали следовать дальше. Не препятствовали отъезду на родину лишь беженцам-членам коммунистической партии, «всцело стоящим на платформе Советской власти, для участия в созидании новой свободной социалистической России на своих родных местах», как они писали в своих заявлениях²³.

Беженцы выживали лишь за счёт мешочничества и нищенства, систематически выезжая в производящие районы, преимущественно на Украину. Согласно постановлению СНК от 6 августа 1918 г. на всех железнодорожных станциях и крупных шоссейных дорогах действовали реквизиционно-заградительные продовольственные отряды, реквизировавшие муку, зерно, крупу. Печёного хлеба можно было провезти до

²¹ I. Bielow, *op. cit.*, s. 309–310.

²² *Ibidem*; Государственный архив Калужской области, ф. Р-1987, оп. 3, д. 2, л. 2.

²³ Zob. И. Белова, *op. cit.*, s. 297–300.

20 фунтов. Только при наличии удостоверения о том, что продовольствие с Украины, разрешалось провести 5 пудов хлеба (муки и зерна) на одного пассажира и два пуда крупы. С середины 1920 г. Совет народных комиссаров Украины запретил самостоятельные заготовки продовольствия и объявил о борьбе с мешочничеством²⁴. С сентября 1919 г. беженцев, курсировавших по стране в поисках продовольствия для снабжения своих семей, стали в принудительном порядке отправлять в разные концы страны на работы, необходимые Советской Республике.

В ответ на поток жалоб беженцев на «голод и холод» при запрете отправки на родину работники Центропленбежа в 1919 г. продолжали рекомендовать своим местным органам принимать меры к тому, чтобы беженцы «получали обеспечивающий существование заработок и паёк, а нетрудоспособные – пособие от местных отделений Народного комиссариата труда (Наркомтруда) и Народного комиссариата социального обеспечения (Наркомсобеса)²⁵. Эти рекомендации были заведомо невыполнимы в сложившихся условиях, когда из центральных потребляющих губерний буквально бежало коренное население.

Всего в 1918–1919 гг. (в основном с лета до конца 1918 г.) с разрешения Центропленбежа, по инициативе его местных органов, как исключение, из отдельных уездов центральных губерний Европейской России было реэвакуировано около 15 тыс. беженцев. При этом свыше 70 тыс. выехали самостоятельно или погибли от голода и болезней в местах временного проживания. К началу 1920 г. из 200 тыс. беженцев, зарегистрированных на момент образования уездных органов Центропленбежа (июль 1918 г.), в регионе продолжали оставаться около 114 тысяч²⁶.

В феврале 1920 г. Центропленбеж был реорганизован в Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак), в задачи которого входили все людские перевозки, кроме военных. Главной задачей уездных управлений по эвакуации населения (уездэваков) в 1920 г. стало участие в перевозках населения на работы государственного значения по восстановлению народного хозяйства. Реорганизация сопровождалась сокращением штатов как в центре, так и на местах.

²⁴ Ibidem, s. 303–304.

²⁵ Ibidem, s. 307.

²⁶ Ibidem, s. 318–319.

Причины реорганизации были объяснены «возникновением новых задач по переброске людских контингентов и необходимостью использовать для этого эвакуационный аппарат»²⁷. В сентябре 1920 г. место уездэваков заняли уполномоченные по эвакуации населения при уездных исполкомах, подчинявшиеся Губернскому управлению по эвакуации населения (Губэваку)²⁸.

Ежегодно с приближением весны возрастало беспокойство беженцев по поводу отправки на родину. Увеличивалось количество их обращений в местные органы Центрэвака или непосредственно в Москву. Не стал исключением и 1920 г. Беженцы отправляли в Москву своих уполномоченных с прошениями о скорейшей отправке. Так, в прошении, адресованном в апреле 1920 г. Польской мирной делегации, уполномоченными от беженцев Тулы, в частности, говорилось о тяжелейшем положении беженцев в РСФСР, когда от голода и холода они ежедневно умирают, и умерших не успевают хоронить даже в общих могилах без гробов. Беженцы умоляли как можно скорее спасти всех пока ещё живых. Не успели беженские уполномоченные вернуться в Тулу, как местный Губэвак получил секретный циркуляр из Центрэвака о недопустимости поездок беженских представителей в Москву по поводу ускорения эвакуации²⁹.

Добиваясь скорейшей реэвакуации, беженцы из Ельца Орловской губернии направили в Москву протокол общего собрания от 2 мая 1920 г., из которого следовало, что хлеб в городе Ельце практически не выдавался, а когда это в редких случаях происходило, то по 100 грамм в день на человека. Частники продавали по 12 тысяч рублей за пуд. Отсутствовала крупа, мука, сахар, соль, мыло. В сельской местности продовольствие вообще не выдавалось. Местные крестьяне хлеб не продавали, а только обменивали, но менять было уже нечего. Работы не было, а за жильё владельцы требовали плату. Далее в протоколе говорилось об эвакуации семей партийных работников в 1919 г.: «На наших глазах при наступлении Деникина нашлась возможность эвакуировать семейства коммунистов и через 5–6 месяцев возвратить их обратно»³⁰.

²⁷ Приказ НКВД от 26 февраля 1920 г. ГА РФ, ф. Р-3333, оп. 3, д. 39, л. 167–169.

²⁸ Государственный архив Калужской области (dalej: ГАКО), ф. Р-337, оп. 1, д. 92 (brak numeracji kart).

²⁹ И. Белова, *op. cit.*, s. 333.

³⁰ *Ibidem*, s. 334.

И местные власти, и беженцы получали из Центра ответ, что реэвакуация Советом обороны всё ещё приостановлена. Затем в мае было объявлено, что *поляки* и *украинцы* отправке не подлежат в связи с Польской войной, а *латыши* и *литовцы*, скорее всего, будут отправляться в 1920 г. после улаживания взаимоотношений с правительствами Прибалтийских республик. Такие неутешительные сообщения побуждали беженцев предпринимать невероятные усилия для того, чтобы суметь, рассчитывая только на себя, добраться хотя бы до границы. Когда же их на российских пограничных станциях высаживали из вагонов, они в складчину покупали подводы и гужевым способом добирались до дома³¹.

Губэваки и местная исполнительная власть несмотря на запрет Центрэвака старались помогать движению беженцев в западном направлении, то есть ближе к родине. Например, в январе в Смоленске задержали 4 вагона с беженцами, прибывшими из Тамбова без разрешения Центрэвака. Несмотря на все доводы против оставления их в Смоленске Центрэвак распорядился разместить их в пределах губернии. В феврале и в марте в Смоленск продолжали прибывать беженцы, однако устанавливать, откуда они прибывали, уже не удавалось, так как беженцы не склонны были выдавать тех, кто их отправил³². В Борисоглебском уезде Воронежской губернии, где к весне 1920 г. находилось 15 тысяч беженцев, а к августу осталось 6 тысяч человек, т. е. «убыло» 60% в период отсутствия плановых отправок³³. Из Курской губернии в 1920 г., до начала плановой эвакуации беженцев Латвии и Эстонии, которые вместе с беженцами Литвы составляли до 1/3 всех беженцев, самостоятельно уехали не менее 6,5 тысяч, так как с весны до начала августа 1920 г. количество беженцев с 39,5 уменьшилось до 33 тысяч человек. Двигаясь к западной границе, беженцы часто «маскировались под мешочников»³⁴. Несмотря на то что в Польскую, Литовскую и Украинскую республики в 1920 г. беженцев планово не отправляли, в 1920 г., например, в Польшу вернулось более 86 тысяч репатриантов из России³⁵.

³¹ I. Bielowa, op. cit., s. 310–311.

³² Ibidem, s. 311.

³³ Государственный архив Воронежской области, ф. Р-2136, оп. 1, д. 95, л. 1, 115.

³⁴ Zob. nr.: ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 4, д. 120, л. 310, 341, 368, 383, 441.

³⁵ I. Bielowa, op. cit., s. 311.

Неурожай хлебов и трав в центральных губерниях Европейской России в 1920 г. стимулировал самовольное массовое переселенческое движение коренного населения в Сибирь и юго-восточные губернии. 15 июня 1920 г. правительство приняло постановление об урегулировании переселения крестьян, в котором признало необходимым призвать население воздержаться от неорганизованного переселения, а местные власти – использовать начавшееся движение как источник рабочей силы. Беженцев Первой мировой войны, размещённых на этих территориях, как и 1919 г., Центральная власть оставила за рамками легального переселения районы Сибири и юго-восточной России. Местные власти губерний центрального района, пострадавшего от неурожая, в июле 1920 г. направляли Президиуму Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) свои доклады о положении беженцев в городе с просьбой разрешить им «в виде исключения выехать на заработки в хлебородные губернии Украины (так в тексте. – И.Б.) и тем предотвратить массовые заболевания на почве голодовки»³⁶. В ответ рекомендовалось по пути следования высаживать неорганизованных переселенцев из вагонов и направлять их в принудительном порядке на работы³⁷. Однако остановить стихийное бегство населения, в том числе и беженского, было невозможно. Например, в ноябре 1920 г. из Калуги в Омскую губернию выехала семья беженца-уроженца Гродненской губернии Петра Киселя, которая, поселившись в 120 километрах от Омска, смогла поправить своё материальное положение: обзавелась лошадью, двумя коровами, имела несколько свиней, вырастила хлеб³⁸.

Надо отметить, что Губернские продовольственные комитеты (продкомы) с июня 1920 г. при выдаче нарядов на хлебпродукты уездным продкомам теперь уже официально перестали учитывать беженское население, его следовало «удовлетворять из аванса для случайных выдач (два фунта на едока), если означенные беженцы действительно остро нуждающиеся». Беженцы, вывезшие и сохранившие свой рогатый скот, даже при отсутствии у них земельного участка и рабочей лошади подвергались реквизициям наравне с коренным на-

³⁶ И. Белова, *op. cit.*, s. 334.

³⁷ ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 1 а, д. 50, л. 34.

³⁸ Zob. Кисель П. *Семь лет блуждания, в: Бежанства 1915 года*, рэд. В. Луба, Беласток 2000, s. 122.

селением, а уличённые в продаже своего имущества, арестовывались как спекулянты³⁹.

Летом 1920 г. были, наконец, заключены договоры о реэвакуации беженцев с Прибалтийскими государствами⁴⁰, и относительно плановой отправки начальники Губэваков в июле получили секретную инструкцию, согласно которой без разрешения Центрэвака всякая отправка, в том числе одиночным порядком или группами, строго воспрещалась. Разъяснялось, что литовские и латвийские беженцы являются гражданами России, пока они не оптировали соответствующее иностранное гражданство; что на их отправку на родину надо устанавливать очередь, причем исключительно в интересах Советской России. Беженцев, состоящих в Красной армии, не следовало регистрировать до увольнения. Мужчин призывного возраста от 18 до 40 лет, рабочих и служащих, следовало относить к «последующим очередям», мотивируя это необходимостью отправки в первую очередь стариков, детей, нетрудоспособных, даже если эшелон (1 тыс. человек) останется «малочисленным». Виза Губернского чрезвычайного комитета (Губчека) на списке беженцев была обязательна. Проверку багажа и документов следовало производить совместно с Губчека и отделом военной цензуры. Виновные в оглашении инструкции «кому бы то ни было» подлежали «строжайшей» ответственности. Для отъезда гужевым способом требовалось разрешение местных эвакуационных органов, Губчека и Центрэвака⁴¹.

В октябре 1920 г. Центрэвак в дополнение к предыдущим инструкциям предложил начальникам Губэваков «Лично. В[есьма]. Секретно» перед внесением беженцев в эшелонные списки «снести секретно» с администрацией по месту службы беженца по вопросу о возможности его увольнения без ущерба для дела. Только при положительном ответе следовало включать беженцев в списки на эвакуацию и выдавать им об этом справки, которые должны были служить разрешением на увольнение со службы. В следующем «не подлежа-

³⁹ ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 1а, д. 2, л. 119.

⁴⁰ *Договор между Россией и Латвией о реэвакуации беженцев. 12 июня 1920 г.*, w: ДСВ, т. 2, s. 569–571; *Мирный договор между Россией и Латвией. 11 августа 1920 г.*, w: ДСВ, т. 3, s. 101–116; *Мирный договор между Россией и Литвой. 12 июля 1920 г.*, w: *ibidem*, s. 28; *Мирный договор между Россией и Эстонией. 2 февраля 1920 г.* w: ДСВ, т. 2, s. 339.

⁴¹ I. Biełowa, *op. cit.*, s. 313.

щем оглашению» документе Центрэвак уведомлял «лично» начальников Губэваков о том, что в списки беженцев, уезжавших на родину, не должны включаться беженцы русской и еврейской национальности, являвшиеся специалистами с высшим и средним образованием, а также военные специалисты. При этом особый отдел ВЧК приказывал не вычёркивать специалистов из беженских списков, а прилагать все возможные усилия к задержанию их, действуя «осторожно, не вызывая конфликтов и недоразумений»⁴².

В регионах увольнение специалистов контролировали комиссии из представителей Губернского исполнительного комитета, Губэвака и члена Президиума Губчека – «губтройки», а при необходимости и «уездные тройки, строго подчинённые губтройке». При этом руководители местных предприятий и местных органов Центрэвака, рискуя лишиться должности, оказывали беженцам помощь с отъездом на родину⁴³. Однако темпы плановой реэвакуации оставались низкими, и к концу 1920 г., например, из Тульской губернии, с разрешения Центрэвака отправили в Латвию и Эстонию лишь около 1,5 тысяч человек. В течение года в Калужской, Орловской, Брянской и Курской губерниях наблюдалось аналогичное положение с плановой эвакуацией, когда по нарядам Центрэвака бесплатно отправили на родину по 1,5–2 тысячи беженцев, всего до 7,5–10 тысяч человек. Для сравнения в Воронежской губернии, централизованная отправка из которой не объявлялась в 1920 г., количество беженцев сократилось на 10 тысяч благодаря несанкционированному отъезду, а из Курской самостоятельно выехали не менее 20 тысяч беженцев⁴⁴.

В 1921 г. возникло гораздо более масштабное стихийное «переселение-бегство» более 1 млн человек из пораженных голодом губерний Поволжья. В числе бежавших из этого региона были и размещённые там беженцы Первой мировой войны, которые устремлялись на Запад как по железным дорогам, так и гужевым путём. В воззвании непризнанной Белорусской Народной Республики (август 1921 г.) говорилось: «Вместе с жителями Поволжья в муках голода умирают около 1 млн беженцев-белорусов, выселенных туда во время Великого отступления 1915 г. [...] Спасаясь от голодной смерти они стремятся

⁴² Ibidem.

⁴³ Государственный архив Тульской области (dalej: ГАТО), ф. Р-1, оп. 3, д. 1, л. 47–48.

⁴⁴ I. Bielowa, op. cit., s. 313.

на Родину – Белоруссию, а за ними стихийным потоком идут и другие. Неиссякаемый поток беженцев в направлении Западной области к лету 1921 г. буквально наводнил её. Росло количество беженцев в районе приграничной полосы. В этой ситуации органам Центрэвака пришлось заниматься оформлением документов «беженцам-самотёкам», наполнившими Западную область и находившимся на подъезде к ней, чего раньше не делалось. При этом беженцев, двинувшихся на родину по территории Сибири, тормозили в пути, вынуждая жить в вагонах в течение нескольких месяцев. Самостоятельное движение беженцев из центральных губерний Европейской России с весны 1921 г. также оживилось, например, из Воронежской губернии выехало более 12 тысяч человек⁴⁵.

В русле легального эвакуационного процесса 1921 г. органам Центрэвака на местах было предписано закончить регистрацию беженцев Латвии в Европейской России 1 июля 1921 г. и приступить к организации реэвакуации в Литву и Польшу⁴⁶, включая территории, отошедшие к Польше по Рижскому мирному договору 1921 года. Характеризуя организацию легального эвакуационного процесса на местах, следует отметить, что самые неимущие беженцы не могли быть отправлены в первую очередь из-за отсутствия в уездэваках денежных средств для оплаты их доставки гужевым способом до станций посадки. Начальники губэваков имели секретный приказ не регистрировать и не включать в эшелонные списки беженцев-медицинских работников всех категорий без разрешения губернских отделов здравоохранения. Отказы следовало мотивировать «правильно», а именно тем, что в первую очередь отправляют «инвалидов, детей, стариков, нетрудоспособных»⁴⁷. Если у беженцев возникали вопросы, связанные с отъездом, то при даче им объяснений строжайше воспрещалось ссылаться на приказ. Центрэвак в ноябре 1921 г. объявил недействительными удостоверения на отъезд, выданные Польской делегацией и неимевшие визы Русско-украинской делегации. Со своей стороны, Польская делегация заявляла Центрэваку о своём несогласии с систематическим невключением в эшелонные списки поляков и включением в них одних белорусов. В итоге в 1921 г. за счёт Центрэвака в Польшу

⁴⁵ Ibidem, s. 314.

⁴⁶ ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 1 а, д. 50, л. 8.

⁴⁷ ГАТО, ф. Р-1, оп. 3, д. 1, л. 191.

шу и Прибалтийские государства из Калужской губернии отправили около 2,5 тысяч человек, Орловской – до 3 тыс., Тульской – 4,5 тыс., Курской – 5 тыс., Рязанской – 5, 5 тыс., из Воронежской – около 5 тыс. человек⁴⁸.

1922 г. начался с ликвидации органов Центрэкава, сначала уездных, а затем и губернских. Вместо них в первом полугодии 1922 г. действовали эвакуационные пункты на крупных железнодорожных станциях, ликвидация которых проходила во втором полугодии 1922 г. В регионах проведение реэвакуации беженцев было возложено на отделы реэвакуации губисполкомов. На фоне этих организационных изменений от иностранных миссий поступала масса претензий по поводу замедления процесса реэвакуации. Уже объявленные отправки часто откладывались на неопределенное время⁴⁹. Из семи центральных губерний Европейской России в 1922 г. отправили лишь по 1,5–2 тысячи беженцев в Польшу и Прибалтийские республики, в связи с чем на конец года в Калужской и Курской губерниях оставались неотправленными по 3 тысячи зарегистрированных беженцев, в Тульской – более 800, в Орловской и Воронежской – более 200 человек⁵⁰.

В 1922 г. продолжалось самодвижение беженцев, в результате которого, например, в Москве в начале года их скопилось большое количество⁵¹. Так, на Брянском направлении простаивало более 100 вагонов. Беженский отдел Центрэкава и ВЧК явно не успевали разбираться с документами прибывших и продолжавших прибывать беженцев, формировать эшелоны. В итоге для ускорения процесса было решено проводить отправки беженцев партиями, без формирования целого эшелона. В Западной области, а именно в Минске, по свидетельству направлявшихся в Польшу беженцев-белорусов, их задержали на целых 6 недель⁵².

С начала 1923 г. был ликвидирован Центрэвак. Одновременно польскому правительству было предложено в дальнейшем вопросы репатриации разрешать в дипломатическом порядке. Однако, по настоянию польской стороны, деятельность репатриационной комиссии

⁴⁸ И. Белова, *op. cit.*, s. 354.

⁴⁹ *Zob. nr.*: ГАТО, ф. Р-95, оп. 3, д. 403, л. 48, 63, 120.

⁵⁰ И. Белова, *op. cit.*, s. 363.

⁵¹ *Бежанства 1915 года*, s. 121–122.

⁵² *Zob. I. Bielowa, op. cit.*, s. 316.

в Москве и её отделений в Киеве, Харькове и Минске была продлена ещё на 1 год⁵³. В конечном итоге массовая репатриация в Польскую Республику была признана законченной только с 1 сентября 1924 г., а все не законченные до 1 сентября репатриационные дела передавались в консульский отдел польской дипломатической миссии для доведения их до конца в дипломатическом порядке⁵⁴. Губернские эвакуационные столы в 1923 г. согласовывали отправку беженцев уже не с Центрэваком, а с эвакуационным отделом НКВД. Репатриация беженцев в эвакуационном порядке продолжалась в 1924 и в первой половине 1925 г. При этом практически в каждом регионе находились беженцы, не имевшие документов, подтверждавших их статус, например, в Тульской губернии 350 человек, в Курской – несколько тысяч⁵⁵. Все эти беженцы с 25 мая 1925 г. в связи с окончанием репатриации объявлялись советскими гражданами. Теперь они могли возвращаться на родину только в общем порядке за свой счёт.

Streszczenie

Uchodźcy z czasów I wojny światowej: ponowna ewakuacja z Rosji Sowieckiej (na podstawie materiałów z centralnych prowincji europejskiej Rosji)

Artykuł jest poświęcony problemowi powrotu „bieżeńców” I wojny światowej z Rosji Sowieckiej. Następcami organizacji pomocy uchodźcom z okresu carskiej Rosji stały się Wszechrosyjskie Zjednoczenia i rady uchodźców działające w miejscach ich przebywania. Bolszewicy zignorowali program Związku Uchodźców dotyczący udzielania im pomocy przez państwo, a następnie zlikwidowali wszystkie nowe organizacje „bieżeńców”, ostatecznie niszcząc system opieki nad uchodźcami. Warunki społeczno-ekonomiczne i społeczno-polityczne, w których żyli uchodźcy, zmusiły ich do opuszczenia Rosji jeszcze przed stworzeniem sowieckiego systemu ewakuacji. Był to wyjazd żywiołowy, ale stał się główną formą powrotu „bieżeńców” do ich wcześniejszych miejsc zamieszkania. Proces ten trwał do połowy 1925 r

⁵³ *Nota члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Поверенному в Делах Польши в РСФСР Кноллю. 31 января 1923 г.*, w: ДСВ, т. 6, Москва 1962, s. 171–173.

⁵⁴ *Nota Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Миссии Польши в СССР. 12 сентября 1924 г.*, w: ДСВ, т. 7, Москва 1963, s. 7.

⁵⁵ *Zob. И. Белова, op. cit., s. 358–368.*

Summary

First World War refugees: re-evacuation from Soviet Russia (on materials of the Central provinces of European Russia)

The article is devoted to the problem of First World War refugees return from Soviet Russia. It points out that the successors of the Imperial period refugee organizations were the National Union of refugees and the local councils. The Bolsheviks ignored the program of the Union about the state assistance to refugees, and then abolished all new refugee organization, thereby totally destroying the system of refugee caring. In the social, economic and political conditions the refugees were forced to leave Russia before Soviet evacuation system was established. It was self-organized departure that became the main form of the refugees return which lasted until the middle of 1925.

Bibliografia

Белова И., *Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг.*, Москва 2014.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-3333, Центральная коллегия по делам пленных и беженцев, оп. 1 а, д. 2, 50.

ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 2, д. 42.

ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 3, д. 39.

ГАРФ, ф. Р-3333, оп. 4, д. 120.

Государственный архив Воронежской области, ф. Р-2136, Отдел о пленных и беженцах при Борисоглебском уездном исполнительном комитете, оп. 1, д. 95.

Государственный архив Калужской области, ф. Р-337, Мещовское уездное управление по делам пленных и беженцев, оп. 1, д. 92.

Государственный архив Тульской области, ф. Р-1, Тульское губернское управление по эвакуации населения, оп. 3, д. 1, 403.

Декреты Советской власти, т. 2, Москва 1959.

Декреты Советской власти, т. 3, Москва 1964.

Декреты Советской власти, т. 4, Москва 1968.

Декреты Советской власти, т. 6, Москва 1962.

Декреты Советской власти, т. 7, Москва 1974.

Декреты Советской власти, т. 13, Москва 1989.

Известия Калужского Губернского исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, № 246, 28.11.1918.

Национальный архив Республики Беларусь, ф. 4, Белорусский национальный комиссариат, оп. 1, д. 55.

Фельштинский Ю.Г., *К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной политики*. Москва 1991.

Бежанства 1915 года, рэд. В. Луба, Беласток 2000. (на белорусском языке)

Biełowa I., „*Przed rewolucją dobrze się żyło miejscowym gospodarzom i uchodźcom...*”. *Uchodźcy z guberni zachodnich w centralnej Rosji w latach 1915–1925*, w: *Wojna i ludzie. Społeczne aspekty I wojny światowej w Europie wschodniej*, red. D. Michaluk, Ciechanowiec 2015, s. 304–305 (на польском языке).